

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-102-119>

<https://elibrary.ru/BKCMKC>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article

Distributed under the Creative Commons

Attribution-NoDerivatives 4.0

(CC BY-ND)

© 2024 г. Ю.Ю. Анохина

ИСТОРИОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ «ЛЕГЕНДЫ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ»

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П).

Аннотация: В статье рассматривается конспект лекции Вяч. Иванова о «Легенде о Великом инквизиторе» (1938). На примере специфики осмысления «Вячеславом Великолепным» историософских идей, выраженных в «поэме», исследуется вопрос о методологических особенностях интерпретации Иванова. Показано, что в конспекте лекции отразился подход к роману «Братья Карамазовы» как к диалогическому произведению. Принцип диалогизма раскрывается, с одной стороны, благодаря историко-литературному анализу формы легенды, генезису ее сюжета и воплотившихся в ней идей, с другой стороны, благодаря столкновению точек зрения героев (Ивана Карамазова и Алеши, Ивана Карамазова и старца Зосимы), а также мировоззренческих установок сочинителя поэмы (Ивана Карамазова) и автора романа «Братья Карамазовы» (Ф.М. Достоевского).

Ключевые слова: Вяч. Иванов, Ф.М. Достоевский, легенда о Великом инквизиторе, диалогизм, интерпретативные стратегии.

Информация об авторе: Юлия Юрьевна Анохина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8917-5445>

E-mail: jul.anokhin@gmail.com

Для цитирования: Анохина Ю.Ю. Историософские аспекты интерпретации Вячеславом Ивановым «Легенды о Великом инквизиторе» // Вячеслав Ива-

© 2024. Yuliya Yu. Anokhina

HISTORIOSOPHICAL ASPECTS OF VYACHESLAV IVANOV'S INTERPRETATION OF "THE LEGENDS OF THE GRAND INQUISITOR"

Acknowledgements: The research has been carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF, Project no. 17-18-01432-П).

Abstract: The article discusses the notes from Vyach's Ivanov lecture about "The Legend of the Grand Inquisitor" (1938). Using the example of the specifics of Ivanov's understanding of the historiosophical ideas expressed in the "poem", the question of the methodological features of Ivanov's interpretation is explored. It is shown that the lecture notes reflected the approach to the novel "The Brothers Karamazov" as a dialogical work. The principle of dialogism is revealed, on the one hand, thanks to a historical and literary analysis of the form of the legend, the genesis of its plot and the ideas embodied in it. The principle of dialogism is revealed, on the one hand, through the historical-literary analysis of the legend's form, the genesis of its plot, and the ideas embodied in it, and on the other hand, through the clash of viewpoints of the characters (Ivan Karamazov and Alyosha, Ivan Karamazov and Elder Zosima), as well as the worldview perspectives of the author of the poem (Ivan Karamazov) and the author of the novel "The Brothers Karamazov" (Fyodor Dostoevsky).

Keywords: Vyach. Ivanov, F.M. Dostoevsky, legend of the Grand Inquisitor, dialogism, interpretative strategies.

Information about the author: Yuliya Yu. Anokhina, PhD in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8917-5445>

E-mail: jul.anokhin@gmail.com

For citation: Anokhina, Yu.Yu. "Historiosophical Aspects of Vyacheslav Ivanov's Interpretation of 'The Legends of the Grand Inquisitor'." *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoлей Publ., 2024, pp. 102–119. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-102-119>

Художественный и философский потенциал «Легенды о Великом инквизиторе» по-прежнему востребован в мировой литературе, философии и культуре. Сюжет, идейная и мотивная структура оказали влияние не только на писателей [9], философов [15; 21; 22] и социологов [18] XX столетия¹, но отзываются и в современной литературе [11] и философии. Вместе с тем, эта поэма и сегодня остается одним из наиболее загадочных созданий писателя, по-прежнему до конца не расшифрованных и приковывающих внимание интерпретаторов и исследователей творчества Достоевского. Даже самый беглый обзор опубликованных в последнее десятилетие научных работ о «легенде» позволяет убедиться в широте диапазона тех вопросов, которые ставят современные ученые. Это и вопросы о природе философских идей [7; 13; 20], ее жанровая природа, а также источниковедческие аспекты [3]. При этом если обратить внимание на разделы, посвященные «истории вопроса» (как в современных работах о «легенде», так и в работах более давнего времени), то можно обнаружить, что они, как правило, представляют собой более или менее обстоятельные библиографии, включающие не только новейшие труды, но и труды о «Легенде» мыслителей конца XIX — первой половины XX вв. Правда, далеко не всегда раскрывается и учитывается герменевтический и методологический потенциал работ, созданных в начале XX в. В силу этого обстоятельства все более актуальными оказываются научные исследования, нацеленные на постижение интерпретативных стратегий трудов о «легенде» первой половины прошлого столетия. Представляется, что исследовательское внимание к В.В. Розанову [6], С.Н. Бул-

¹ Интересно, что иногда заимствование сюжета о появлении Христа на земле влечет за собой и заимствование речевой структуры «Легенды о Великом инквизиторе». В частности, так происходит в инспирированной «поэмой» Ивана Карамазова фантазии В.П. Свенцицкого «Второе распятие Христа» [2].

Соблазнительно предположить, что и сам Вяч. Иванов в юношеских литературных опытах не избежал влияния «Легенды». Недаром в «Автобиографическом письме» о периоде его увлечения атеизмом говорится как о парадоксально совмещающем «безбожие» и любовь ко Христу, а также «страсть к Достоевскому» и опыт создания поэм «Иисус» и «Легенда» (вторая — «о еврейском мальчике в испанском готическом соборе» [29, т. II, с. 14]).

гакову [5], Н.А. Бердяеву [12], Л. Шестову, С.Л. Франку [16] как авторам работ о «Великом инквизиторе» оправдано не только с исторической точки зрения, но и с методологической: изучение путей конкретных рецепций позволяет отделить мировоззренческие проекции от выводов, к которым тот или иной интерпретатор «Легенды о Великом инквизиторе» пришел в результате ее анализа. Этому служит и появление антологий, включающих статьи об этой «притче» мыслителей начала XX в. [19]. К числу многоплановых, но наименее исследованных интерпретаций «Легенды о Великом инквизиторе» относится и подход, наметившийся в работах Вяч.И. Иванова, который неоднократно обращался к образности «поэмы».

О специфике восприятия Вяч. Ивановым «Легенды о Великом инквизиторе» можно судить по отдельным суждениям, содержащимся в его статьях («Кризис индивидуализма», 1905; «Идея неприятия мира», 1906), в книге о творчестве Достоевского («Достоевский: трагедия — миф — мистика», 1932); наиболее развернутое высказывание о Великом инквизиторе отражено в двух конспектах его лекции, прочитанной в «Русском собрании» в стенах «Руссикума» 1938 г. [28, с. 261]². Конспекты были составлены Л.В. Ивановой и О.А. Шор, они хранятся в Римском архиве Иванова. Первый был опубликован в 1999 г. Д.В. Ивановым и А.Б. Шишкиным [27], а комментированная публикация обоих конспектов осуществлена А.Б. Шишкиным и О.Л. Фетисенко совсем недавно, в составе предпринятого в 2021 г. издания книги «Достоевский: Трагедия — миф — мистика» [28, с. 182–187].

О том, как Вяч. Иванов готовился к лекциям, и в частности к лекции о Великом инквизиторе, сын поэта Д.В. Иванов вспоминал так: «В своих публичных выступлениях Вяч. Иванов очень редко читал заранее написанный текст. О лекции или докладе он много думал, готовил или диктовал обширный конспект, которым, однако, обыкновенно при выступлении не пользовался.

² По предположению А.Б. Шишкина слушателями Иванова могли быть Т.А. Сухотина-Толстая, Ю. Данзас, Ф. де Режи́с, о. Виктор Новиков, о. А. Евреинов, о. С. Тышкевич — лица, тоже выступавшие с лекциями на семинаре [14, с. 536].

Такой обширный конспект он продиктовал своей дочери Лидии, готовясь» к лекции о Великом инквизиторе Достоевского <...> [27, с. 80]. И хотя, как отметил Д.В. Иванов, Вяч. Иванов в ходе выступления скорее импровизировал и почти не обращался к конспектам, все же они ценны тем, что отражают оригинальный, но основанный на историко-литературном анализе текста взгляд Иванова на художественные и философские особенности притчи. Оценка Ивановым «Легенды о Великом инквизиторе» редко учитывается в современных работах, посвященных этой «повести»³.

Обстоятельная реконструкция лекции Иванова осуществлена А.Б. Шишкиным, который отметил, что в истории изучения «Легенды» подход Иванова близок тем интерпретациям, которые, в отличие от В.В. Розанова и его последователей, не считали поэму Ивана Карамазова квинтэссенцией творчества Достоевского — таково, в частности, толкование С.С. Аверинцева [1]. Им же подчеркивалось, что в конспекте лекции отразилось разделение мировоззренческих установок героя (Ивана Карамазова как автора поэмы) и писателя (Достоевского как автора романа «Братья Карамазовы»): «Тут уже не герой борется с автором, а они оба предстают мировоззренчески и эстетически равночестными» [14, с. 542]. В этом, методологическом аспекте интерпретация Иванова сопоставлена с полифоническим подходом М.М. Бахтина, который, отметив перспективность идеи Иванова о диалогической природе романов Достоевского, считал, что «Вячеслав Великолепный» в работах о произведениях писателя не раскрыл принцип диалогизма, а «монологизировал

³ Хотя в одной из недавних научных статей о легенде — «“Великий инквизитор”. Текст и контекст» — Р. Джулиани полемизирует с предложенной Вяч. Ивановым интерпретацией символики поцелуя, которым Христос в сочинении Ивана Карамазова отвечает «старцу». С точки зрения итальянской исследовательницы, в этом поцелуе «воплощаются библейские стихи “как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен...” (Ис. 53: 7) и “любите врагов ваших” (Мф. 5: 44; Лк. 6: 27)», поэтому она заключает, что «в своем ответе Христос Достоевского <...> соответствует евангельскому образу Иисуса» и в силу этого «трудно согласиться» [4, с. 112] с утверждением Иванова о непростительности этого поцелуя «в художественном смысле» [28, с. 185].

диалог»⁴. Бахтин был знаком с концепцией Иванова по его статьям о Достоевском, но он не мог слышать лекции о «Легенде» и познакомиться с ее конспектом⁵. Между тем именно в лекции, хоть и сохранившейся в виде тезисов, наиболее ярко прослеживается виденье Ивановым диалогической природы романа «Братья Карамазовы», и особенно отчетливо фокус на диалогизме прослеживается в том, как именно Иванов сталкивает историософские идеи Ивана Карамазова и представления других героев романа «Братья Карамазовы», а то и самого Достоевского.

Тезисы, содержащиеся в конспекте, выстроены в соответствии с логикой научного выступления: очерчивается история подходов к «легенде», анализируется предваряющий «легенду» диалог между Иваном и Алешей Карамазовыми, затем рассматривается проблема художественного своеобразия поэмы и философские идеи, в ней выраженные, сформулирован вывод. Структура конспекта подчинена главной идее Иванова, его стремлению продемонстрировать характер миропонимания Ивана Карамазова и, показав, что взгляды героя отличаются от мировоззрения Достоевского, подчеркнуть, что эстетические черты «легенды» и выраженные в ней историософские идеи органичны для той системы взглядов, которые исповедует «сочинитель» поэмы, герой романа, а не писатель. При композиционной выстроенности конспекта смысловые уровни интерпретации предстают взаимопроникающими, как бы наслаивающимися друг на друга. Среди этих уровней можно выделить следующие: 1) «Исторический»: включает рассуждения об истории формы «поэмы»,

⁴ Двойственный характер оценки Бахтиным методологических разработок Иванова как исследователя Достоевского отмечен Р. Бёрдом [17, с. 31].

⁵ В раннем варианте книги М.М. Бахтина о Достоевском — в «Проблемах творчества Достоевского» «Легенда» рассматривается, прежде всего, как пример «идеологического слова», облеченного в форму «диалогизированного монолога» [23, т. 2, с. 151]. В более поздней работе — «Проблемы поэтики Достоевского» — Бахтин писал о «Легенде» еще и как «менипповой сатире», вставленной в другую «мениппею» — диалог Ивана Карамазова с Алешей. При этом и разговор братьев, и саму «легенду» ученый считал принадлежащими «к числу глубочайших художественно-философских произведений всей мировой литературы» [23, т. 6, с. 175].

ее сюжета и истории идей, лежащих в ее философском основании; 2) «Эстетический»: определение художественной ценности поэмы; 3) «Философский»: анализ соотношения историософских и социально-философских идей Ивана Карамазова со взглядами других героев или взглядами писателя; 4) «Конфессиональный»: размышления о том, как в «легенде» представлена церковная полемика. Поскольку фокус на принципе формы и диалогизме связаны, прежде всего, с первыми тремя уровнями, остановимся на них.

«Историческое» измерение — одно из наиболее существенных для концепции, изложенной в конспектах лекции о «Легенде», о чем свидетельствует уже то, что историософское начало Иванов считал жанрообразующим. Недаром жанровую принадлежность «сочинения» Ивана Карамазова интерпретатор определял как «атеистическую социальную утопию» [28, с. 182]. Собственно исследовательская оптика, определяющая ход интерпретации Иванова, оказывается чрезвычайно близкой школе исторической поэтики⁶ — в его рассуждениях об особенностях формы «Легенды», об истории ее сюжета, а также истории идей, находящейся в центре притчи. Так, Иванов обратил внимание на то, что легенда является вставной повестью — «с давнего времени установленной формой» [28, с. 183]. При этом чрезвычайно широкими оказываются хронологические и географические границы примеров, иллюстрирующих идею о том, что форма вставной повести хорошо известна мировой литературе. Примером из античной словесности служит «Эрот и Психея», «очаровательная и глубокомысленная сказка» [28, с. 183] из «Золотого Осла» Апулея, из эпохи Возрождения — «Декамерон» Дж. Бок-

⁶ В этом смысле интересно, что в конспекте, определяя генезис «Легенды», Иванов в качестве ее идейных источников назвал те, что были отмечены последователем школы исторической поэтики И.И. Лапшиным в статье «Как сложилась Легенда о Великом инквизиторе» (1929): “*Carmina Burana*” «Евангелие от марки серебра» (“*Initium Sancti Evangelii secundum marcas argenti*”) [30, с. 127–128]. Об интересе Вяч. Иванова к исследовательским принципам А.Н. Веселовского в 1920-е гг. см. статью К.Ю. Лаппо-Данилевского «Труды А.Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике»: [8].

каччо и «Дон Кихот» М. де Сервантеса, из литературы Нового времени — «Вильгельм Мейстер» И.В. Гете. В качестве примера из русской литературы Иванов указывал на «Повесть о капитане Копейкине» из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя. С другой стороны, лектор обращается и к истории сюжета, связанного с Великим инквизитором: этот сюжет, с точки зрения Иванова, восходит к «Дону Карлосу» Шиллера, к образу «старца со стражей». Идейное содержание легенды рассматривается в контексте «древней идеи» о жреческом обмане. Для того чтобы подчеркнуть ординарность философских интуиций, выраженных в поэме, Иванов привел целый ряд параллелей, в числе которых и латинский трактат XIII в. «О трех обманщиках», и труд Х.А. Лобека «Аглагофам, или О мистической теологии греческого происхождения» (1829), и книгу А.Н. Толстого «Исследование догматического богословия» (1879–1884) [28, с. 430–431]. Историко-литературной модой объясняется стремление героя романа облечь свои близкие социализму общественно-политические убеждения в аллегорические формы: «Легенду» Ивана сравнивает с «поэмкой» В.С. Печерина «Торжество смерти»⁷.

Благодаря сопоставлениям «Легенда» предстает встроенной в широкий историко-литературный и историко-философский контекст. Однако обзор интертекстуальных связей повести Ивана не носил в рамках лекции самостоятельного значения. Представление лектора об истории формы поэмы и о генезисе ее основных идей играет решающую роль в определении художественной ценности «легенды». Перечислив произведения, в которых встречаются вставные повести, Иванов подчеркнул, что повести такого рода бывают двух типов: связанные с контекстом произведения и нет. Иванов относил «Легенду» ко второму типу, видел в ней повесть, неотделимую от образа ее автора — Ивана Карамазова, и это позволило ему сделать главный вывод относи-

⁷ Заметим, что корреспондент Вяч. Иванова по знаменитой «Переписке в комнате» М.О. Гершензон в книге о В.С. Печерине пересказывает идею Е.А. Боброва о том, что пародией на поэму «Торжество смерти» было сочинение героя из другого романа Достоевского — мистерия Степана Трофимовича Верховенского из «Бесов» [25, с. 90].

тельно роли «Легенды» в романе, вывод о том, что значение этой «повести», прежде всего, — эстетическое, а не мировоззренческое, т. к. она призвана охарактеризовать миропонимание героя романа, а не выразить сокровенные идеи Достоевского: «Но художеств[енно], однако, эта легенда совершенна — как портрет Ивана. Это есть в этом смысле худож[ественно] и философск[и] совершенно. Клиническая запись. Сделанная непонятно точно и глубоко. Именно так должен был думать и мечтать Иван» [28, с. 187]. Так, именно исторический взгляд на поэму позволяет Иванову развить интуицию о диалогической природе романов Достоевского — интуицию, выраженную еще в его книге «Достоевский: трагедия — миф — мистика» и показать, что легенда представляет собой высказывание Ивана Карамазова, а не программное выступление писателя.

Собственно как таковой идея неслиянности голосов героев и голоса писателя новаторской не была. Одним из первых, кто отделил голоса героев Достоевского, в том числе и Ивана Карамазова, от голоса самого писателя, был Л. Шестов. В книге «Достоевский и Ницше» (1901) философ писал: «<...> Раскольниковы, Иваны Карамазовы, Кирилловы и другие действующие лица романов Достоевского говорят сами за себя и ничего общего с их автором не имеют» [31, с. 21]. Принципиальное отличие в подходах мыслителей связано с их представлениями о характере оснований для дифференциации. По Шестову, отличить голос писателя от голосов его героев можно основываясь на лингвостилистическом («форма изложения») или интертекстуальном («заимствования») анализе. При этом философ писал об образе Великого инквизитора как создании самого Достоевского, а не его героя. В отличие от Шестова, Иванов приходит к выводу о том, что поэма отражает мироощущение Ивана Карамазова не только исходя из идеи о том, что поэма неразрывно связана с контекстом романа, но и основываясь на анализе ее художественных особенностей и историософских смыслов.

Анализ основных мировоззренческих постулатов, изложенных Иваном Карамазовым в разговоре с младшим братом (диалоги из частей «Братья знакомятся» и «Бунт»), нужен Иванову

для того, чтобы выявить их соотношение с миропониманием Великого инквизитора и с голосом самого Достоевского. При этом главные идеи легенды о Великом инквизиторе рассматриваются Ивановым как инспирированные теоретическими рассуждениями Ивана Карамазова о «неприятии мира».

К идее отрицания мира Иваном Карамазовым Иванов обращался и раньше, он рассуждал об этом за тридцать с лишним лет до лекции — в статье, которая так и была названа «Идея неприятия мира» и впервые напечатана в качестве предисловия к книге Г. Чулкова «О мистическом анархизме» в 1906 г. В статье и в конспекте лекции мировоззренческие причины, побудившие Ивана Карамазова отвергнуть мир, определяются по-разному. В ранней статье бунт героя рассматривается в теологической и «демиургической» перспективах. С одной стороны, Иванов видит в постулировании Иваном Карамазовым своего «нет» Божьему миру отражение неизбежного этапа в отношениях между человечеством и божеством, «одну из форм древнего богоборства» [29, т. III, с. 80] Иова. С другой стороны, в статье «Неприятие мира» понимание образа Ивана Карамазова определяется символистским представлением о мистической природе художника-творца: мироощущение этого героя рассматривается как мироощущение, выраженное и в программе Великого инквизитора, и в то же время в молчании Христа (которое как писатель, как творец Иван Карамазов, по мысли Иванова, имеет возможность опытно, мистически постичь). «Писательская» ипостась Ивана Карамазова здесь выдвигается на первый план, и в силу его демиургической природы, свойственной художнику как таковому, декларируемое им отрицание мира рассматривается как диалектически содержащее его утверждение.

Конспект лекции показывает, что оптика «Вячеслава Великолепного» по сравнению со статьей 1906 г. трансформировалась: символистско-мистическая перспектива интерпретации сменилась историософской. Идея неприятия мира рассматривается уже не как «пережиток (survival) старинного богоборства» [29, т. III, с. 83], а как следствие ошибочного понимания евангельского взгляда на исторический процесс. Согласно конспекту, ка-

рамазовский тезис «я міра Его не приемлю» зиждется на ошибке в понимании евангельской историософии. Отсылая к первому посланию апостола Иоанна Богослова, Иванов подчеркивает: «Евангелие показывает наше правильное отношение к міру. Мір, как он устроен, лежит во зле, в грехе. Но он такой не от Бога, а от князя міра сего. Сатана им овладел, и этот мір достоин ненависти» [28, с. 184]⁸. При этом оказывается, что такая христианская отрешенность от здешнего мира находит отражение и в тексте романа «Братья Карамазовы», в «поучениях» старца Зосимы, который замечает, что без Христа этот мир чужд человеку: «На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом. Многое на земле о нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных» [26, т. 14, с. 290]. И хотя в конспекте Иванова старец Зосима не упоминается, представляется, что, рассуждения герменевта о «Евангельском отношении к миру» не были оторванными от контекста романа Достоевского. Тем более, Иванов в качестве аргумента, подтверждающего неверное понимание Иваном Карамазовым христианского восприятия мира, противопоставляет мысль, чрезвычайно сходную с одним из наставлений старца Зосимы. «Вячеслав Великолепный» подчеркнул, что охваченность мира злом связана с произволением человека, а не Бога: «Но мы не манихейцы и знаем, что это значит, что вина есть грех человека, испортивший, изменивший мір» [28, с. 184]. В поучениях наставника Алеши ответственность за распространение зла возлагается на человека: «Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный, со скверным словом, с гневливою душой; ты и не приметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащит-

⁸ Ср.: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин. 2: 15–16).

ном сердечке остался» [26, т. 14, с. 289]. Тот ход рассуждений, который Иванов противопоставляет Ивану Карамазову в его отрицании мира, оказывается созвучным идеям, выраженным в словах другого героя романа «Братья Карамазовы» — старца Зосимы. Неявный диалог старца и Ивана Карамазова прослеживается в предпринятом Ивановым противопоставлении культивируемой «бунтовщиком» идее о невозможности простить страдание ребенка и мысли о том, что «Мировая симфония осанны <...> основана именно на том, что каждый человек прощает всем людям всё. Сам ребенок будет просить о прощении. Таково соединение будет с Христом» [28, с. 184]. Эти слова о прощении соответствуют учению старца Зосимы и о том, что каждый человек «за всех и за вся виноват» [26, т. 14, с. 290].

Если голос старца Зосимы звучит в рассуждениях Иванова опосредованно, то голос другого героя романа — Алеши оказывается включенным в ход интерпретации непосредственно. Иванов «сталкивает» утопические фантазии Ивана Карамазова и христианскую трезвость Алеши: «Здание будущей гармонии не может быть построено на крови замученного ребенка. — Вот аргумент, который нельзя победить — в чем сила Дост[оевского], кроме как учением Христа. Христос имеет право простить, это ответ Алеши» [28, с. 184]. Здесь Иванов отсылал к реплике младшего брата, считавшего, что именно Христос есть тот, кто «может все простить, всех и вся и за всё» [28, с. 428]. Такое пусть неточное, но близкое к тексту Достоевского цитирование высказываний братьев позволяет Иванову заострить внимание на внутренней диалогичности, на полемике автора и героя.

Анализируя собственно философию «легенды», Иванов противопоставил голосу Великого инквизитора голос самого писателя: «Камни в хлеба — разве это не программа социализма? — говорит Дост[оевский]» [28, с. 185]. Этот тезис соотносим одновременно и с программным лозунгом Великого инквизитора «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели» [26, т. 14, с. 230], служит своего рода ответом на него, и в то же время, по-видимому, отсылает к майскому номеру «Дневника писателя» за 1876 г., ко второму параграфу второй главы («Одна несоответственная идея»), где До-

стоевский называет «главным предрассудком всей жизни» «камни, обращенные в хлебы» [26, т. 23, с. 25]. Разделяя голос Великого инквизитора и голос Достоевского, Иванов раскрывает идею о том, что сама постановка вопроса об историсофском смысле пришествия Христа в легенде неверна: «Христос не отказывается кормить народ хлебом и дважды насыщает его — после, однако, насыщения Словом Божиим. Хлеб прилагается. Ищите царства Божьего» [28, с. 185]. И эта мысль, выраженная в концепте лекции, соответствует ходу рассуждений Достоевского о том, почему Христос не дал человеку, прежде всего, «хлеба»: «Но если дать и Красоту и Хлеб вместе? Тогда будет отнят у человека труд, личность, самопожертвование своим добром ради ближнего — одним словом, отнята вся жизнь, идеал жизни. И потому лучше возвестить один свет духовный» (ответ В.А. Алексееву, 1876) [26, т. 29, кн. 2, с. 85].

По историко-культурному контексту интерпретация «Легенды» Вяч. Ивановым как будто бы примыкает к философским трактовкам Н.А. Бердяева [24] и С.Л. Франка [32], которые тоже обратились к «бестолковой поэме» в эмигрантский период жизни. Однако если Бердяев и Франк были сосредоточены, прежде всего, на философской составляющей легенды: первый — на религиозно-философской, второй — на социально-философской, то для Вяч. Иванова философский смысл легенды оказывается вторичным: он обращается к литературному своеобразие этой «притчи», и, анализируя ключевые идеи сочинения Ивана Карамазова как филолог, вооруженный историко-литературной оптикой, развивает интуицию о диалогической природе романа «Братья Карамазовы», а также интуицию, выраженную еще в ранней статье «Достоевский и роман-трагедия» (1911) — мысль о том, что одним из важнейших художественных принципов Достоевского является принцип формы.

Список литературы

Исследования

1. *Аверинцев С.С.* «Великий инквизитор» с точки зрения advocatus diaboli // *Аверинцев С.С.* София-Логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2001. С. 327–330.
2. *Бесогонова С.А.* Речевые жанры в поэме «Великий инквизитор» Ф.М. Достоевского и в фантазии В.П. Свенцицкого «Второе распятие Христа» // Формирование профессиональной компетентности филолога в поликультурной образовательной среде. Материалы III Международной научно-практической конференции. Симферополь: ИП Корниенко А.А., 2020. С. 52–57.
3. *Дергачева И.В.* Прецедентный интертекст в поэме «Великий инквизитор» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19, № 2. С. 125–140.
4. *Джулиани Р.* Великий Инквизитор. Текст и контекст // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2019. Т. 22. С. 103–119.
5. *Евлампиев И.И., Ли Тяньюнь.* Иван Карамазов в размышлениях С.Н. Булгакова: современная оценка героя и позиции критика // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Vol. 22, № 2. С. 197–207.
6. *Казакова Н.Ю.* «Легенда о Великом инквизиторе» в интерпретации В. Розанова // Литературоведческий журнал. 2002. № 16. С. 103–108.
7. *Кибальник С.А.* Диалектика свободы и счастья в «Легенде о Великом инквизиторе» // Cuadernos de Rusística Española. 2013. № 9. С. 45–57.
8. *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Труды А.Н. Веселовского и бакинские лекции Вяч. Иванова по поэтике // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2011. С. 96–110.
9. *Сухих О.С.* Художественное переосмысление «Легенды о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского в русской литературе XX–XXI вв.: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 364 с.
10. *Сюндюков Н.К.* Великий инквизитор как великий гуманист // Русская философия. 2021. № 2. С. 18–32.
11. *Турьшева О.Н.* Поцелуй Христа в профанном исполнении: скрытое цитирование Достоевского в повести А. Нотомб «Антихриста» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2014. № 1. С. 160–164.

12. Харитонов Т.И. Образ Великого инквизитора в государстве и в революции. Политическая теология Ф.М. Достоевского и Н.А. Бердяева // Социология власти. 2022. Vol. 34, № 2. С. 96–124.
13. Холоднова К.Н. Антропология Великого Инквизитора в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Социум и власть. 2023. № 3 (97). С. 66–77.
14. Шишкин А.Б. «Легенда о Великом Инквизиторе» в истолковании Вяч. Иванова (1938) // Культурный палимпсест: сб. статей. СПб.: Наука, 2011. С. 534–543.
15. Шульц С.А. Мотив Великого инквизитора: Ф.М. Достоевский и А. Камю // Культура и текст. 2019. № 4 (39). С. 28–40.
16. Щербина Ю.И. С.Л. Франк о гуманизме Достоевского // Человек. 2019. Т. 30, № 4. С. 149–155.
17. Bird R. Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories // Dostoevsky Studies. New Series. 2001. Vol. V. P. 126–146.
18. D'Andrea D. Il Grande inquisitore di Max Weber. La politica come etica alla prova del mondo // Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta / ed. by Renata Badii and Enrica Fabbri. Milano: Mimesis, 2013. P. 93–105.
19. Il Grande Inquisitore. Interpretazioni nel pensiero russo / a cura di Daniela Steila. Torino: Accademia University Press, 2015. 302 p.
20. Malo A. Nihilism and freedom in the Legend of the Grand Inquisitor // Church communication and culture. 2017. Vol. 2, № 3. P. 259–271.
21. Parotto G. L'araldo dell'apocalisse. Il Grande Inquisitore nell'interpretazione di Hans Urs von Balthasar // Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta / ed. by Renata Badii and Enrica Fabbri. Milano: Mimesis, 2013. P. 169–179.
22. Spini D. L'Inquisitore e il Marinaio. L'interpretazione della Leggenda in Hannah Arendt // Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta / ed. by Renata Badii and Enrica Fabbri. Milano: Mimesis, 2013. P. 137–147.

Источники

23. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русское слово, 1996– .
24. Бердяев Н.А. Мирозозерцание Достоевского. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. 238 с.
25. Гершензон М. Жизнь В.С. Печерина. М.: Путь, 1910. 226 с.
26. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / под ред. В.Г. Базанова, Г.М. Фридлендера, В.В. Виноградова. Л.: Наука, 1972–1990.

27. *Иванов В.И.* <О «Легенде о Великом Инквизиторе» // Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М.: Русские слова-ри, 1999. С. 75–80.
28. *Иванов Вяч.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А.Б. Шишкин и О.Л. Фетисенко; коммент. Н.М. Сегал-Рудник, С.Д. Титаренко, О.Л. Фетисенко при уч. К.А. Баршта, Л.Л. Ермаковой и К.Г. Исупова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 461 с.
29. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
30. *Лапшин И.* Как сложилась легенда о Великом Инквизиторе // О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. Бема. Paris: Amga Editions, 1986. С. 126–140.
31. *Шестов Л.* Достоевский и Ницше (Философия трагедии). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. 258 с.
32. *Франк С.Л.* Легенда о Великом Инквизиторе // Вестник русского христианского движения. 1976. № 1. С. 102–111.

References

1. Averintsev, S.S. “Velikii inkvizitor’ s tochki zreniia advocatus diaboli” [“The Grand Inquisitor’ from the Point of View of Advocatus Diabolic”]. *Averintsev, S.S. Sofia-Logos. Slovar’* [*Sophia-Logos. Dictionary*]. Kiev, DUKh I LITERA Publ., 2001, pp. 327–330. (In Russ.)
2. Besogonova, S.A. “Rechevye zhanry v poeme ‘Velikii inkvizitor’ F.M. Dostoevskogo i v fantazii V.P. Svetsitskogo ‘Vtoroe raspiatie Khrista.’” [“Speech Genres in the Poem ‘The Grand Inquisitor’ by F.M. Dostoevsky and in the Fantasy of V.P. Svetsitsky ‘The Second Crucifixion of Christ.’”]. *Formirovanie professional’noi kompetentnosti filologa v polikul’turnoi obrazovatel’noi srede. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Formation of Professional Competence of a Philologist in a Multicultural Educational Environment. Materials of the III International Scientific and Practical Conference]. Simferopol’, Individual’nyi predprinimatel’ Kornienko A.A. Publ., 2020, pp. 52–57. (In Russ.)
3. Dergacheva, I.V. “Pretsedentnyi intertekst v poeme ‘Velikii inkvizitor’” [“Precedential Intertext in the Poem ‘The Grand Inquisitor’”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 19, no. 2, 2021, pp. 125–140. (In Russ.)
4. Dzhuliani, R. “Velikii Inkvizitor. Tekst i kontekst” [“Grand Inquisitor. Text and Context”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky.

- Materials and Research*], vol. 22. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2019, pp. 103–119. (In Russ.)
5. Evlampiev, I.I., Li Tian'iu'. "Ivan Karamazov v razmyshleniakh S.N. Bulgakova: sovremennaia otsenka geroia i pozitsii kritika" ["Ivan Karamazov in the Thoughts of S.N. Bulgakov: Modern Assessment of the Hero and the Position of the Critic"]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 22, no. 2, 2021, pp. 197–207. (In Russ.)
 6. Kazakova, N.Iu. "Legenda o Velikom inkvizitore' v interpretatsii V. Rozanova" ["The Legend of the Grand Inquisitor' in the Interpretation of V. Rozanov"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 16, 2002, pp. 103–108. (In Russ.)
 7. Kibal'nik, S.A. "Dialektika svobody i schast'ia v 'Legende o Velikom inkvizitore'" ["Dialectics of Freedom and Happiness in 'The Legend of the Grand Inquisitor'"]. *Cuadernos de Rusística Española*, no. 9, 2013, pp. 45–57. (In Russ.)
 8. Lappo-Danilevskii, K.Iu. "Trudy A.N. Veselovskogo i bakinskie lektсии Viach. Ivanova po poetike" ["Works of A.N. Veselovsky and Baku Lectures by Vyach. Ivanov on Poetics"]. *Aleksandr Veselovskii. Aktual'nye aspekty nasledii. Issledovaniia i materialy* [Alexander Veselovsky. Current Aspects of Heritage. Research and Materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 96–110. (In Russ.)
 9. Sukhikh, O.S. *Khudozhestvennoe pereosmyslenie 'Legendy o velikom inkvizitore' F.M. Dostoevskogo v russkoi literature XX–XXI vv.: dis. ... d-ra filol. nauk* [An Artistic Re-interpretation of "The Legend of the Grand Inquisitor" by F.M. Dostoevsky in Russian Literature of the 20–21st Centuries: PhD Dissertation]. Nizhnii Novgorod, 2013. 364 p. (In Russ.)
 10. Siundiukov, N.K. "Velikii inkvizitor kak velikii gumanist" ["The Grand Inquisitor as a Grand Humanist"]. *Russkaia filosofii*, no. 2, 2021, pp. 18–32. (In Russ.)
 11. Turyшева, O.N. "Potselui Khrista v profannom ispolnenii: skrytoe tsitirovanie Dostoevskogo v povesti A. Notomb 'Antikhrista'" ["The Kiss of Christ in a Profane Performance: Hidden Quotation of Dostoevsky in A. Nothomb's Story 'Antichrist'"]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Serii: Russkaia klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem*, no. 1, 2014, pp. 160–164. (In Russ.)
 12. Kharitonov, T.I. "Obraz Velikogo inkvizitora v gosudarstve i v revoliutsii. Politicheskaiia teologiia F.M. Dostoevskogo i N.A. Berdiaeva" ["The Image of the Grand Inquisitor in the State and in the Revolution. Political Theology F.M. Dostoevsky and N.A. Berdyaeva"]. *Sotsiologiia vlasti*, vol. 34, no. 2, 2022, pp. 96–124. (In Russ.)

13. Kholodnova, K.N. "Antropologija Velikogo Inkvizitora v romane F.M. Dostoevskogo 'Brat'ia Karamazovy'" ["Anthropology of the Grand Inquisitor in F.M. Dostoevsky's Novel 'The Brothers Karamazov'"]. *Sotsium i vlast'*, no. 3 (97), 2023, pp. 66–77. (In Russ.)
14. Shishkin, A.B. "Legenda o Velikom Inkvizitore' v istolkovanii Viach. Ivanova (1938)" ["'The Legend of the Grand Inquisitor' as interpreted by Vyach. Ivanov (1938)"]. *Kul'turnyi palimpsest: sb. statei* [Cultural Palimpsest: Collection Articles]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 534–543. (In Russ.)
15. Shul'ts, S.A. "Motiv Velikogo inkvizitora: F.M. Dostoevskii i A. Kamiu" ["Grand Inquisitor Motive: F.M. Dostoevsky and A. Camus"]. *Kul'tura i tekst*, no. 4 (39), 2019, pp. 28–40. (In Russ.)
16. Shcherbina, Iu.I. "S.L. Frank o gumanizme Dostoevskogo" ["S.L. Frank on Dostoevsky's humanism"]. *Chelovek*, vol. 30, no. 4, 2019, pp. 149–155. (In Russ.)
17. Bird, R. "Understanding Dostoevsky: A Comparison of Russian Hermeneutic Theories." *Dostoevsky Studies. New Series*, vol. V, 2001, pp. 126–146. (In English)
18. D'Andrea, D. "Il Grande inquisitore di Max Weber. La politica come etica alla prova del mondo." Badii, Renata, and Enrica Fabbri, editori. *Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta*. Milano, Mimesis, 2013, pp. 93–105. (In Italian)
19. Steila, Daniela, editore. *Il Grande Inquisitore. Interpretazioni nel pensiero russo*. Torino, Accademia University Press, 2015. 302 p. (In Italian)
20. Malo, A. "Nihilism and freedom in the Legend of the Grand Inquisitor." *Church communication and culture*, vol. 2, no. 3, 2017, pp. 259–271. (In English)
21. Parotto, G. "L'araldo dell'apocalisse. Il Grande Inquisitore nell'interpretazione di Hans Urs von Balthasar." Badii, Renata, and Enrica Fabbri, editori. *Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta*. Milano, Mimesis, 2013, pp. 169–179. (In Italian)
22. Spini, D. "L'Inquisitore e il Marinaio. L'interpretazione della Leggenda in Hannah Arendt." Badii, Renata, and Enrica Fabbri, editori. *Il Grande Inquisitore. Attualità e ricezione di una metafora assoluta*. Milano, Mimesis, 2013, pp. 137–147. (In Italian)